

Напряженная атмосфера в салоне нового служебного автомобиля Вернона Дурсля была бы для Гарри просто невыносима, если бы он не был полностью поглощен своими собственными мыслями. Все то время, что Вернон прорывался через дорожное движение от вокзала Чаринг Кросс до Прайвет Драйв, сжимая рулевое колесо с силой, от которой пальцы побелели, губы Петуньи были сжаты в жесткую ровную полосу. Гарри, откинувшийся на просторное заднее сидение, ничего этого не замечал. Да и даже если бы заметил, он не испытал бы ни капли того страха, что мучил его на протяжении всех предыдущих летних каникул при мыслях о гневном дяде. Гарри Поттер был объектом пророчества. Вдали от напряженных взглядов и ожиданий дружественных ему учеников он, наконец, начал понимать, что это значит. От низайшего сквиба до великого Альбуса Дамблдора, волшебники всего мира рассчитывали, что именно он спасет их от надвигающейся тьмы.

Мысли об этом еще не улеглись в его голове, а его эмоции не смогли пока справиться с потрясениями, что ему приходилось испытывать на протяжении последних недель. Амбридж, пророчество, битва с Пожирателями Смерти, Сириус... Он испытывал сильнейшее ощущение, что находится перед перепутьем своего жизненного пути, и принятое им в один из приближающихся дней решение изменит решительно все.

Как он с немалым удивлением понял - он был даже рад возвращению в дом Дурслей. Это было странное ощущение, одновременно хрупкое и мощное, и ему было необходимо время вдали от давления волшебного мира, чтобы понять для самого себя, что же он будет делать со всем узнанным за прошедший год. Это было первое лето в его жизни, когда Гарри желал одиночества.

Он знал, что эта жажда уединения удивит его друзей, но они не знают, с чем ему пришлось иметь дело. Он не собирался ничего им рассказывать, по крайней мере, не в ближайшее время, даже если Дамблдор не упоминал, чтобы он сохранил знание о пророчестве только для себя. Дамблдор. Гарри нахмурился. Большая часть его привязанности и верности к директору была уничтожена при открытии пророчества. Он всегда воспринимал мужчину с почтением, но сам факт того, что он скрывал от Гарри столь важное знание, касающееся его жизни - явно показал, что сам пожилой волшебник его отнюдь не уважал. И с точки зрения Гарри, он не мог уважать кого-либо, кто воспринимает его как дитя, что должно быть защищено для его же собственного благополучия (так, по крайней мере, утверждал Дамблдор), или как инструмент, что будет использован во имя Всеобщего Блага (что, как думал Гарри, было достаточно близко к правде).

Жизнь Гарри Поттера должна была стать еще более сложной, чем в предыдущие года, и не важно, что взрослые хотят, чтобы он делал, более он не намерен празднично позволять кому-либо принимать решения за него. Машина заехала на подъездную дорожку к дому №4, и Гарри, впервые за все время, что он провел с родственниками после отъезда с вокзала, обратил внимание на их состояние. Петунья поспешила в дом, не сказав ни слова. Гарри пронаблюдал за её суетливым бегом во внутрь и увидел мясистое лицо Дадли, смотрящее через кухонное окно. Услышав звук открывшегося автомобильного багажника, он схватил пустую клетку Хедвиг с соседнего сиденья. Он выпустил сову на свободу еще до посадки в машину. Она вполне могла размять крылья и поохотиться в полете к Прайвет Драйв.

Дядя Вернон застыл позади багажника: руки скрещены на пухлой груди, маленькие глаза прищурены. Он явно не желал помогать своему костлявому, ненормальному племяннику с его тяжеленным сундуком. Удерживал его от желания немедленно проследовать внутрь за женой страх того, что за время его отсутствия новенькая машина каким-либо образом может быть испачкана. Гарри вздохнул, желая, чтобы единственные облегчающие чары, которые он знал,

были достаточно сильны, чтоб продержаться хотя бы немного подольше, чем пару часов, которые заняла поездка с вокзала до дома Дурслей.

Пока возился со своим сундуком, он услышал, как Вернон прочистил горло.

- Мальчишка, - сказал дядя Вернон, - мне надо с тобой поговорить.

Гарри выдернул сундук из багажника и, поставив его у ног, обернулся к дяде. Для Вернона такое обращение было, можно сказать, почти вежливым. После угроз членов Ордена Гарри ожидал намного более худшего. Убедившись, что находится вне досягаемости дядиных рук, он осторожно ответил:

- О чем? - Вернон смотрел на него довольно необычным взглядом. Он не был зол, скорее выглядел напуганными... и, кажется, немного больным? Гарри нервно переступил с ноги на ногу. Вернон еще несколько секунд смотрел на него, затем быстро осмотрелся, чтобы быть уверенным, что никто из соседей ничего не услышит. Затем он сказал:

- Это неправильно парень. Все неправильно. Твой ... твой род ... Что дает право этим уродам шлаться вокруг и угрожать достойным, честным, трудящимся в поте лица своему людям, таким как мы?

Гарри пришлось напрячь всю свою выдержку, чтобы не зафыркать, когда Вернон описал себя как "достойного", но он был всерьез удивлен. Голос, который использовал Вернон, был не "самодовольным", это был его "деловой" образец, вроде: я - сделал - важное - решение, - тон, который обычно использовался, чтобы выдавать Гарри новые задания по обиходу дома Дурслей в течении дня.

- Эээ... - начал Гарри, не уверенный, что вопрос его дяди вообще нуждается в ответе.

- Никакого! - выпалил Вернон, видимо взбудораженный нерешительностью Гарри. - Вот оно что, мальчишка. Нет у них никакого права, чтобы указывать, как в моем же доме мне себя держать. Нет у них никаких причин виться вокруг меня, таким великим-и-могучим, потому что они столь необычные.

Гарри уставился на дядю, пытаясь понять, как же с ним теперь управляться. Вернон видимо ожидал от него комментариев к своей тираде и, может быть, согласия. Гарри же хотелось поскорее подняться в свою маленькую комнату и забыться сном от всех неприятностей. Поэтому, надеясь, что этого будет достаточно, просто пару раз кивнул. Вернон шагнул ему навстречу, усы его были встопорщены, челюсть дрожала от какого-то подавляемого чувства. Гарри отступил к багажнику, с опаской глядя на дядю. Когда мужчина заговорил, голос его был спокоен и полон абсолютной убежденности.

- Я ненавижу тебя мальчишка, - сказал он. - Хотел бы я, чтобы ты был мертв. Ваш род недостойн мучить всех нас своим существованием. Но ты здесь. И был здесь почти пятнадцать лет. И с каждым новым днём я ненавижу тебя чуть-чуть сильнее.

В груди у Гарри все сжалось. Он не понимал, почему слова Вернона были столь болезненны после всего этого времени, но это было так. Петунья смотрела через окно вместе с Дадли. Его единственная семья, и для них, фактически, он более желанен мертвым, чем стоящий на их чистой опрятной подъездной аллее.

- Я знаю, ты тоже нас ненавидишь, мальчишка, - сказал Вернон.

И так оно и было.

Впервые он осознал, что единственное, что он чувствовал по отношению к Дурслям, была чистая, беспримесная ненависть. Было непривычно, подумал он, осознавать это. Несколько следующих фраз Вернона потонули в сиянии осознания. Когда он прекратил нуждаться - в какой-то скрытой частичке своего сердца - в их признании, в их одобрении, их любви? Гарри не представлял, что он может испытывать подобный уровень ненависти к кому-либо, за исключением, может быть, Беллатрикс Лейстриндж.

Слова Вернона доплыли до поверхности сознания Гарри, и он сосредоточился на лице дяди.

- Итак, мальчишка,- сказал он, - почему ты не уйдешь?

- Что? - Гарри моргнул. Уйти? Куда он должен уйти? Вернон сделал еще один шаг ему навстречу, и на сей раз Гарри не попятился.

- Мы ненавидим тебя. Ты ненавидишь нас. Ты больше не ребенок, да если бы и был, я б тебя выпнул в приют. Вне зависимости от того, что требовал тот старый урод с треснутым горшком вместо головы. Петунья говорит, что мы не можем тебя выкинуть. Говорит, что, находясь здесь, ты нас защищаешь. Я говорю, - он наклонялся, пока не оказался нос к носу с племянником, - это дерьмо бычье! Я думаю, ты опасен, и именно поэтому они выпихивают тебя к нам каждое лето. Я не собираюсь тебя выбрасывать на улицу, Мальчишка, потому что Пет и уроды мне не позволят. Но подобные обстоятельства - это дорога с двусторонним движением. Не так ли? Почему ты просто не уйдешь? -

казалось, что весь воздух из легких высосали пылесосом. Гарри уставился прямо в пустоту за правым ухом Вернона. Что насчет Волдеморта, Пожирателей Смерти, его стражи из Ордена? Что насчет жертвы его матери и кровной защиты вокруг дома? Вернон был не прав. Они все будут в опасности, если защита падет, а она падет, если он уйдет. Гарри не мог просто уйти. Не мог?

Он посмотрел на лица Дадли и Петуньи в окне кухни и снова в водянистые глаза дяди. Это может подвергнуть опасности их всех. Но они ненавидели друг друга. Он сам будет в опасности, но не намного больше, чем в любой из предыдущих моментов его жизни. Орден будет в ярости. Он посмотрел на окружающие солнечные, превосходно обихоженные дома на Прайвет Драйв. Хозяйка дома за номером 9, Прайвет Драйв, поливала свои бегонии... и никому в Море не было до него дела.

Гарри спросил:

- Я могу остаться еще на три, может быть, четыре дня? - его голос был на удивление спокоен. Он сам не мог поверить, что собирается сделать это. - Примерно столько мне понадобится, чтобы все подготовить.

Лицо Вернона как будто раскололось в ужасающе огромной ухмылке. Он шлепнул Гарри по спине с такой силой, что худощавому подростку пришлось сделать пару шагов вперед, чтобы устоять на ногах.

- Парень, - радостно загремел он, - конечно ты можешь! Ты принял верное решение, наилучшее для всех, - Гарри в потрясении смотрел, как дядя наклоняется, чтобы подобрать его сундук. - Давай-ка, закинем это наверх. Три дня, ты сказал? Самое большее четыре?

- Верно, - подтвердил Гарри, следуя за очень оживленным Верноном Дурслем в дом.

- Шедевральнo!- снова выпалил Вернон. Учйывая, как толст он был, по лестнице он поднимался практически вприпрыжку. - Парень, если ты покинешь нас к тому сроку, что указал, - сказал он, доставив тяжелый сундук в комнату, - я дам тебе пятьдесят фунтов, чтобы не видеть твоего ухода.

И Вернон прогромыхал вниз по лестнице напрямик в кухню. Откуда Гарри и услышал его ликующий клич к тете Петунье.

- Мальчишки не будет уже в четверг, Петунья, любимая! В четверг! Я посмею сказать, что в пятницу мы уже и помнить не будем, что он был здесь!

<http://tl.rulate.ru/book/7425/136809>